

Что мы знаем друг о друге

Автор:

[Джеймс Гулд-Борн](#)

Что мы знаем друг о друге

Джеймс Гулд-Борн

МИФ Проза

Ироничная нежная история о любви и воссоединении отца и сына в самых невероятных обстоятельствах. Жизнь Дэнни катится под гору: он потерял работу, залез в долги, а его 11-летний сын не произносит ни слова после смерти матери. Отчаявшись, Дэнни тратит последние деньги на поношенный костюм панды, чтобы работать ростовой куклой в парке. И вот однажды сын Дэнни Уилл заговорил с ним. Вернее, с пандой, и мальчик не подозревает, что под мохнатой маской прячется его отец. Потеряет ли Дэнни доверие Уилла, когда сын узнает, кто он такой, и сможет ли танцующий панда выбраться из долгов и начать новую жизнь?

На русском языке публикуется впервые.

Джеймс Гулд-Борн

Что мы знаем друг о друге

Издано с разрешения автора и агентов

Hardman and Swainson при содействии The Van Lear Agency LLC

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© James Gould-Bourn, 2020

This edition is published by arrangement with Hardman and Swainson and The Van Lear Agency LLC.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

?

Глава 1

Дэнни Малули было четыре года, когда он на собственном горьком опыте узнал, что мыло с ароматом лимона на вкус совсем не как лимон, а очень даже как мыло. В двенадцать лет Дэнни, спасая кошку, которую, возможно, и не нужно было спасать, на собственном горьком опыте узнал: нельзя упасть с сикомора красиво и безболезненно. В семнадцать он все на том же горьком опыте узнал: для того чтобы стать отцом, достаточно трехлитровой бутылки дешевого сидра, девушки, не отказавшейся с ним выпить, неуклюжей возни в парке Хакни-Даунс и банального пренебрежения к законам природы. А в двадцать восемь – на горьком, горьком опыте – он узнал: для того чтобы погасить звезды, остановить стрелки часов и заставить землю, содрогнувшись, прекратить свое вращение, достаточно одной незаметной полосы льда на проселочной дороге.

Его разбудил скрежет тормозов, а может, вопль – Дэнни и сам толком не знал. Он сел в кровати и окинул взглядом комнату, пытаясь понять, откуда донесся звук. Потом проснулся разум и объяснил, что это был всего лишь кошмар. Дэнни откинулся на влажную от пота подушку и посмотрел на часы на прикроватном столике: 6:59. Он выключил будильник прежде, чем поменяются цифры, ярко светившиеся в предутреннем сумраке, и нежно погладил пустующую соседнюю

подушку. Затем отбросил в сторону тяжелое одеяло, выполз из постели и, даже не посмотрев на свое отражение в зеркале на дверце гардероба, натянул вчерашнюю одежду.

Дверь в спальню Уилла была распахнута; направляясь на кухню, Дэнни закрыл ее. Он поставил чайник, закинул сухой, но еще не заплесневевший хлеб в тостер и включил радио – скорее по привычке, нежели из интереса к происходящему в мире. Под бормотание диктора он разглядывал открыточный вид за окном («открыточный» вовсе не из-за красоты, а из-за размеров рамы). Голубое, как линия «Виктория» на карте лондонского метро, небо и яркое солнце не делали пейзаж веселее. Дэнни не раз приходило в голову, что на свету его дом, пожалуй, выглядел хуже всего: больше можно было разглядеть. Плохое освещение может придать шарм фотографиям в Tinder, а захудалый ресторанчик превратить в милое старомодное заведение – так и свинцовое небо могло хоть немного затушевать угрюмый вид жилища. Глядя на бетонную стену жилого здания напротив, к счастью, закрывавшую другие, еще более бетонные строения, Дэнни в очередной раз пообещал себе переехать – точно так же, как обещал вчера и пообещает завтра.

Он позавтракал за обеденным столом, уставившись на стену. Дэнни так часто смотрел на нее последние четырнадцать месяцев, что под тяжестью его взгляда уже стали сворачиваться обои, но он этого не замечал. Как и темное пятно на ковре в коридоре, где каждый день сбрасывал рабочие ботинки, даже не стряхнув с них грязь; или въевшуюся пелену на окнах, способную дать первое представление о том, чего ждать от катаракты; или труп филодендрона в горшке на подоконнике – некогда здоровое растение теперь напоминало скорее кучу облученных радиацией картофельных очисток. Дэнни и почти не замечал бы, если бы ее не приносили прямо во время завтрака: он всякий раз вздрагивал от стука крышки почтового ящика, после которого на коврик падали письма.

В коридоре лежали два белых конверта. В первом содержалось пассивно-агрессивное напоминание, что он уже два месяца не платит за воду. Во втором – просроченные счета за электричество и последнее предупреждение о необходимости погасить их, частично написанное красным; особенно выделялись слова «суд», «пристав», «взыскание» и почему-то «спасибо», больше похожее на угрозу, чем на выражение благодарности.

Дэнни нахмурился, почесывая обкусанными ногтями четырехдневную щетину. Он взглянул на висевшую на стене белую доску, к которой двумя сувенирными

магнитами из Австралии крепилась толстая пачка счетов. Сверху крупными черными буквами было нацарапано «не оплачено». Рядом висели два листка – «оплаченная» часть. Дэнни добавил новые письма к большей пачке, но магниты не выдержали, и счета рассыпались по полу. Вздыхнув, Дэнни собрал их. Затем взял еще один магнит в форме Сиднейского оперного театра, снова прикрепил счета к доске и рядом подписал: «Купить еще магнитов!»

– Уилл! – крикнул он с порога кухни. – Ты встал?

Мальчик услышал отца, но ничего не ответил: он рассматривал синяк у себя на руке. Казалось, между худым плечом и тем, что следовало бы назвать бицепсом, разыгрался шторм: по молочно-белой коже расплзлось иссиня-черное облако. Не подозревая, насколько чувствительно пораженное место, Уилл потрогал синяк – и от легкого прикосновения все предплечье пронзила тупая ноющая боль.

– Спускайся, пора завтракать! – Голос Дэнни уже звучал устало.

Уилл взял висевшую на двери мятую школьную рубашку и поморщился, осторожно натягивая рукав.

– Доброе утро, соня, – улыбнулся Дэнни, когда сын, шаркая, проследовал через кухню и плюхнулся за стол в гостиной. Через несколько минут к нему присоединился Дэнни с кружкой в одной руке и тарелкой тостов в другой. Поставив все это перед Уиллом, он сел напротив.

Мальчик смотрел на тарелку сквозь песочного цвета челку, скрывавшую двухдюймовый шрам на лбу. Из-за тостов с арахисовым маслом на него глядел Томас, а его друг, красный паровозик Джеймс[1 - Томас и Джеймс – персонажи детского мультфильма «Томас и его друзья». Прим. пер.], улыбался (хотя, скорее, скалился) с кружки.

– Ешь скорее, а то опоздаешь. – Дэнни сделал глоток холодного чая и поморщился.

Уилл развернул кружку так, чтобы не видеть паровозик. Откусив кусочек тоста, он положил его Томасу на лицо.

- Помнишь, что сегодня у мамы день рождения? – спросил Дэнни.

Сын перестал жевать и уставился на свою тарелку. Повисшую между ними тишину нарушало лишь бормотание радио.

- Уилл?

Мальчик коротко кивнул, не поднимая головы.

Раздался звонок, и Дэнни направился к двери. Через глазок он увидел в открытом коридоре Мохаммеда, круглощекого мальчика в очках с толстыми линзами и слуховыми аппаратами в обоих ушах. Из-за его плеча выглядывал Лондон.

- Здравствуйте, мистер Малули, – выпалил Мо, как только открылась дверь. – А вы знали, что пузыри газа, которые выпускает синий кит, когда пускает, настолько огромны, что в них может поместиться целая лошадь?

- Нет, Мо. Честно говоря, не знал.

- Видел вчера на канале Animal Planet, – пояснил Мо: он смотрел документальные фильмы о дикой природе с таким же упоением, с каким большинство одиннадцатилетних – ролики с калечащимися людьми на YouTube.

- Звучит немного жестоко, – заметил Дэнни. – Как они вообще засунули туда лошадь?

- Не знаю, – пожал плечами Мо, – в программе этого не показывали.

- Ясно. – Дэнни нахмурился, прикидывая, как повернуть такой эксперимент.

- Уилл уже готов?

- Дай ему пару минут, он как раз ест...

Не дав Дэнни договорить, Уилл протиснулся мимо него в коридор.

– До свидания, мистер Малули, – обернулся Мо; Уилл уже тащил его к лестнице.

– Пока, Мо. Увидимся после школы, Уилл?

Ничего не ответив, Уилл исчез за углом.

Вернувшись в гостиную, Дэнни собрал со стола чашки и тарелки, вылил нетронутый Уиллом чай в раковину и выбросил тост в мусорку. Как и почти каждый день после аварии.

Глава 2

Дэнни в желтой каске и хлопающем на ветру светоотражающем жилете шагал через стройплощадку к Альфу, бригадиру, одетому точно так же, только с планшетом для бумаг в руках. Плотный и уже изрядно полысевший, Альф обладал внешностью боксера, вечно забывавшего о защите. Заметив Дэнни, он бросил взгляд на стоявшего неподалеку мужчину, которого из-за бледности, худобы и черного костюма можно было бы принять за саму смерть, если бы не каска. Мужчина постучал пальцем по своим наручным часам и указал на Дэнни. Бригадир вздохнул.

– Доброе утро, Альф! – поздоровался Дэнни, пытаюсь перекричать шум медленно вращающихся над головой подъемных кранов, груженных поддонами, и экскаваторов, сгребających землю своими дрожащими руками.

– Ты опоздал, Дэн.

Нахмурившись, Дэнни достал телефон.

– По моим часам – нет. – Он показал экран Альфу.

– По его, – Альф, даже не взглянув на телефон, кивнул в сторону мужчины в костюме.

– И кто это? – поинтересовался Дэнни.

– Виктор Орлов. Новый начальник проекта.

– Орлов?

– Казак, – уточнил Альф. – Нрав у него крутой. За утро уже двоих уволил. На всех наезжает.

Дэнни уставился на нового босса. Тот ответил холодным взглядом.

– В любом случае давай за дело, – велел Альф. – Ты сегодня на цементе с Иваном. И еще, Дэнни...

– Да, Альф?

– Больше не опаздывай.

Дэнни взял лопату и направился к Ивану – огромному как гора мускулистому украинцу, плохо говорившему по-английски, но при этом способному перекопать больше экскаватора марки JCB и строить быстрее чемпиона по Minecraft. Дэнни подозревал, что Иван на своем веку успел убить как минимум одного человека – и, скорее всего, голыми руками. На эту мысль наталкивала огромная коллекция тюремных наколок, украшавшая бугры его мускулов: криво набитые слова, уродливые рожи, партия в крестики-нолики возле левого локтя и разные другие каракули, о которых Дэнни боялся даже спрашивать.

Они сдружились несколько лет назад, когда Дэнни спас Ивану жизнь. Во всяком случае, так это помнил сам Дэнни и остальные на стройке, но Иван, к тому времени отработавший всего две недели, с этой версией не соглашался. В тот день сильный ветер расшатал часть строительных лесов, и стальная труба упала бы прямо Ивану на голову, если бы находившийся неподалеку Дэнни не оттолкнул великана (чуть не вывихнув себе плечо). Но пока Дэнни почивал на лаврах, украинец, утверждавший, что как-то раз попал под танк и выжил, упрямо повторял: удар тридцатикилограммовой трубой по голове его не убил бы – да он бы даже больничный не взял; и вообще все просто драматизируют, «как в мыльной опере». Вся эта история стала для Ивана и Дэнни чем-то вроде

дежурной шутки, но, кажется, смешной ее считал только последний.

- Данило. - Иван плюхнул в тачку очередную порцию цемента.

- Привет, Иван. Что это за тип в костюме? - Дэнни указал пальцем через плечо.

- Значит, ты познакомился с Виктором, - заметил Иван.

- Альф говорит, утром он уже двоих выгнал.

- Его прислать из Москвы. Там говорят, что мы слишком медленно работать.

- И что, мы станем работать быстрее, если нас уволить? - ухмыльнулся Дэнни.

Иван пожал плечами.

- У нас на Украине есть слово для таких, как Виктор.

- Да ну? - фыркнул Дэнни. - И какое?

- Придурок.

Дэнни расхохотался.

- Как твой отпуск? - спросил он, вонзая лопату во влажный цемент.

- Отпуск? - удивился Иван. - Какой отпуск? Ивана и я ездить в Одессу. Провести неделю с ее семьей. Ее мать меня ненавидит. И отец. И сестра. Даже собака.

- Заметно. - Дэнни указал на следы зубов у Ивана на руке.

- Что? - Иван проследил за движением его пальца. - А, нет. Это ее бабушка.

- Ясно.

Иван вытащил из кармана бумажный сверток и смущенно протянул его Дэнни.

- Держи.

Дэнни знал, что это, – даже не нужно было разворачивать. Через неделю после того случая с лесами Иван неожиданно пригласил всю семью Малули на ужин. С тех пор как Дэнни спас украинца (или не спас, смотря чью сторону принять) от шестифутовой трубы, эти двое едва ли обменялись на стройке парой слов. Если не считать того дня, они вообще почти не общались. Иван никак не объяснил свое приглашение, и Дэнни счел это завуалированным способом сказать спасибо. Тот вечер оказался лишь первым из многих, которые они провели все вместе за обеденным столом: ели, смеялись и налегали на горилку (Лиз, жена Дэнни, пила больше всех, а потом страдала от похмелья), пока Уилл и Юрий – сын Ивана и Иваны – играли в приставку, стесняясь излишней веселости родителей. Лиз очаровала собранная Ивановой коллекция расписных деревянных яиц, стоявшая на подоконнике. С тех пор из каждой поездки на Украину Иван привозил Лиз деревянное яйцо – и не перестал этого делать даже после трагедии.

- Спасибо. – Дэнни повертел пеструю игрушку в руке. Он знал, как неловко чувствовал себя Иван в такие моменты. Наверное, он уже сто раз задавался вопросом, продолжать ли эту традицию, но не прервал ее – и Дэнни был ему за это благодарен.

- Как Уилл? – Иван явно старался поскорее сменить тему.

- Хорошо. – Дэнни положил яйцо в карман жилета. – Скорее всего. Я не знаю.

- Так и не заговорил?

- Нет. Ни словечка не сказал. Даже во сне.

Работник прикатил пустую тележку и забрал полную.

- Знаешь, – заметил Иван, – может, он и говорит.

- Со мной – нет.

- Нет, я иметь в виду, молчание тоже бывает громким, понимаешь?

- Нет, не совсем, - покачал головой Дэнни.

- Слушай. - Иван воткнул лопату в цемент и оперся на черенок. - Когда Ивана зла на меня, она кричать и называть меня ослом. Но иногда, когда она очень зла, она молчать много дней. Она вести себя тихо, как мышь, но я знаю: так она пытаться сказать мне что-то, понимаешь?

- Например? - уточнил Дэнни.

Иван пожал плечами.

- Например, что хочет засунуть мою голову в печь.

- Думаешь, Уилл именно это имеет в виду?

- Нет, но, может, он говорить, а ты его просто не слышишь.

- Ну пусть откроет рот и скажет, - вздохнул Дэнни. - Прошло уже больше года. Что бы он ни старался донести своим молчанием, вряд ли это хуже гробовой тишины.

Глава 3

Девчонки притворялись, будто не смотрят на мальчишек, болтая с подругами или играя в телефоны, а мальчишки делали вид, что не наблюдают за девчонками, хотя втайне надеялись их впечатлить, чеканя мяч или снимая на видео, как ни с того ни с сего начинают колотить ничего не подозревающих одноклассников. Все друг за другом следили, только исподволь. Это напоминало большую игру в гляделки: моргай сколько хочешь, но, если кто-нибудь заметит, как ты на него пялишься, - сморщишься, как посыпанный солью слизняк. Лишь у одного человека хватало самоуверенности, чтобы выдержать каждый взгляд на школьном дворе; в тот день, как и почти всегда, Марк не спускал глаз с Уилла.

– Seriously, это было безумие! – тараторил Мо, пока они с Уиллом пробирались сквозь толпу, направляясь к школе. – Львов восемь, если не больше – на самом деле львиц, львы-то не охотятся, – поедали этого быка, или бизона, еще живого, а он... ну, просто стоял и щипал траву, пока они его кусали, и...

Уилл ткнул Мо локтем под ребра.

– За что? – протянул тот, потирая бок.

Уилл кивнул в сторону трех неопрятных мальчишек, шагавших им навстречу. Они были старше и выше Уилла и Мо, чем страшно гордились. В своих незаправленных рубашках и болтающихся галстуках они походили на троицу заработавшихся детективов. Хотя если Марк с прихвостнями и имели какое-то отношение к преступности, то уж точно не боролись с ней. Марк был на несколько дюймов ниже остальных членов банды, но его слава главного задиры старшей школы «Ричмонд» компенсировала недостаток роста, ума и красоты, как и отсутствие передних зубов. Чтобы впасть к нему в немилость (впрочем, милостей за ним и не водилось), даже делать ничего не требовалось. Сам факт твоего существования делал тебя участником лотереи боли Маркуса Робсона, и почему-то – Уилл никак не мог взять в толк почему – его имя выпадало как минимум в два раза чаще, чем остальные.

– Идем, – поторопил его Мо. Они ускорили шаг в надежде поскорее добраться до класса. Старшие мальчишки тоже поднажали, преследуя их в толпе, как три акулы, учуявшие в воде кровь.

– Парни, гляньте, кто у нас тут! – Марк перегородил Уиллу и Мо главный вход. – Тупой и еще тупее. Или как – «глухой и еще тупее»?

– Я же говорил, я не глухой! – возразил Мо. – У меня...

– Что? – Марк приставил к уху ладонь. – Не слышал.

– Я сказал, я не глухой, у меня просто...

– Что?

- Говорю, я не...

- Не слышу, Мо, погромче! - не унимался Марк.

Тут Мо наконец уловил иронию и вздохнул.

- Идиот, - пробормотал он, поправляя слуховой аппарат.

- Что ты сказал?! - выпалил Марк.

- Ты же меня не слышишь, - съязвил Мо.

- Следи за языком, - рявкнул Марк и дернул Мо за галстук так сильно, что узел затянулся в крохотный шарик. - Бери пример со своего парня.

Мо пытался ослабить галстук, а Марк тем временем повернулся к Уиллу.

- На что уставился?

Уилл пожал плечами и опустил глаза.

- В чем дело? - фыркнул Марк. - Нравлюсь?

Мальчик покачал головой.

- Хочешь сказать, я урод?

Уилл снова покачал головой.

- Значит, все-таки нравлюсь? - настаивал Марк.

- Оставь его в покое, - после попытки удушения голос Мо звучал хрипло.

- Заткнись, Моби Бзик, - огрызнулся Марк.

- Моби Бзик, - повторил Тони, самый высокий из троих. - Прикольно.

- Не понял, - подал голос Гэвин, настолько прыщавый, что, казалось, гноя у него в голове было больше, чем мозгов.

- «Моби Дик», - пояснил Тони. - Ну знаешь, книжка такая. Там еще кит и одноногий Араб.

- Араб? - переспросил Гэвин. - Как Мо?

- Ахав, - поправил его Мо. - Капитан Ахав. И я не араб, я пенджабец.

- Пофиг, - бросил Гэвин.

- Teri maа ka lora, - выругался Мо.

- Как твоя рука? - поинтересовался Марк у Уилла.

Тот пожал плечами со всей напускной бравадой, на какую был способен. Но, учитывая обстоятельства, получилось не очень.

- Не против, если я тебя еще немного разукрашу?

Марк картинно замахнулся, и Уилл инстинктивно поднял руку, прикрывая плечо.

- Так и думал, - усмехнулся Марк. Прозвенел звонок, и троица потянулась к дверям. - Увидимся за обедом, неудачники.

Мо потер шею и снова негромко выругался на панджаби. Уилл кивнул, не сомневаясь, что Мо сказал нечто плохое.

Они зашли в здание вместе с другими учениками и направились к классу. Усевшись за соседнюю парту, Мо подтолкнул приятеля, указывая на стоящего у доски мужчину с равнодушным выражением лица, жидкими волосами и жесткой, как проволочная мочалка, бородой. Судя по виду, одевался он впотьмах.

– Интересно, от кого он убегал? – шепнул Мо.

Уилл пожал плечами.

– Итак, успокаиваемся. – В усталом голосе мужчины звучали интонации человека, которого всю жизнь игнорируют. – Вам, наверное, интересно, кто я такой и что здесь делаю. Честно говоря, иногда я и сам задаю себе эти вопросы – как задаст каждый из вас однажды, когда поймет, что жизнь – всего лишь череда разочарований. Но для справки: меня зовут мистер Коулман, я буду заменять вашего учителя.

Он написал свою фамилию на доске и подчеркнул.

– Не мистер Каллман. Не мистер Коллман. Не мистер Клевый, хотя так, пожалуй, можете звать меня, если захотите. Во всех остальных случаях – мистер Коулман. Ясно?

В ответ раздалось бормотание.

– Допустим, это «да». И предупреждаю: считать меня легкой мишенью будет серьезной ошибкой. Хоть здесь я и новенький, но слышал и видел практически все, что может случиться в классной комнате. Не знаю, чем вы так напугали сбежавшего от вас мистера Хейла, но со мной этот номер не пройдет. Понятно?

Мистер Коулман обвел глазами класс, и там, куда падал его взгляд, с лиц сходили улыбки.

– Чудесно. Пожалуй, начнем с переклички. Это очень просто. Я называю имя, а вы отвечаете «здесь».

Учитель открыл классный журнал и быстро пролистал.

– Аткинс? – начал он, держа ручку над страницей.

– Здесь, – ответила сидевшая перед Уиллом девочка с брекетами.

- Хорошо, Сандра. Вы явно уже так делали. - Мистер Коулман поставил галочку напротив ее имени. - Картрайт?

- Туточки, - брякнул мальчик в сбившемся набок галстук, сидевший на последней парте.

- ...В отличие от Картрайта, - протянул мистер Коулман. Все, кроме Картрайта, засмеялись. - Джиндал?

- Здесь, - ответил Джиндал.

- Учись, Картрайт, - заметил мистер Коулман.

- Здесь, - под всеобщий хохот воскликнул Картрайт.

- Нет, Картрайт, уже... Ладно. Кабига?

- Здесь.

- Малули?

Молчание.

- Малули?

Тишину в классе нарушали редкие смешки. Мистер Коулман снова осмотрелся: все парты были заняты. Уилл поднял руку.

- Да? - нахмурился учитель.

- Это он Малули, сэр, - подал голос Мо.

- Да ну? - Мистер Коулман повернулся к Уиллу. - Тогда почему ты не сказал «здесь»?

- Он не говорит, сэр, - ответил за него Мо.

– Не... говорит?

– Нет, сэр.

– А ты, стало быть, кто?.. Его представитель?

– Скорее пресс-секретарь, – сказал Мо. По классу прокатилась волна смеха.

– Ясно. – Мистер Коулман нарисовал в журнале галочку напротив фамилии Уилла. – Беру свои слова назад. Вот теперь я видел все.

?

Половину обеденного перерыва Уилл просидел в подсобке. Он частенько оказывался там, но вовсе не потому, что любил подолгу сидеть в темноте или вдыхать аромат бытовой химии: Марк и его банда снова подкараулили его по пути в столовую и заперли. Это повторялось с тех пор, как они, замышляя очередную гадость, узнали, что ручка с внутренней стороны двери держится на честном слове и ее легко вынуть. Так у них появилась камера, вызволить из которой несчастных жертв можно было, лишь открыв дверь снаружи. Уиллу выпала сомнительная честь стать первым узником. Он же отсидел самый долгий срок: однажды его заперли на целых два урока, но, поскольку это были математика и физика, он не особо рвался на свободу.

Откровенно говоря, ему даже нравились тишина и уединение этого чулана. Уилл перестал сопротивляться, когда его тут запирали (и подпортил хулиганам веселье, но не настолько, чтобы те отступились). Тут над ним никто не смеялся, не унижал и не оскорблял. Никто не говорил, что он просто ищет внимания (это особенно злило Уилла: как раз внимания он изо всех сил старался избегать), и не бил – ведь били обычно те же, кто запирали дверь с другой стороны. А еще никто не притворялся, будто понимает его чувства. Никто не сравнивал его ситуацию со своей: конечно, ведь как-то раз из-за ангины он на целую неделю потерял голос. Здесь, в подсобке, Уилла просто оставляли в покое. Одна беда: мучил голод. Именно поэтому, получив от Мо СМС с вопросом «Ты где?», Уилл уже начал было писать ответ, когда услышал в коридоре голос миссис Торп.

- О, привет, Дейв.

Сью Торп, директор школы, отличалась от других своих коллег – поборников строгой дисциплины, которые редко стригли волосы в носу, но часто теряли терпение и не могли даже взглянуть на линейку без желания кого-нибудь ею хлестнуть, причем неважно, ученика или нет. У миссис Торп был легкий характер и веселый нрав. В целом ученики ее любили, хоть порой она с трудом подавляла настойчивое желание запустить в них чем-то из канцелярских принадлежностей.

- Сью! Рад тебя видеть.

Уилл не сразу, но узнал голос мистера Коулмана.

- Как прошло утро? – спросила директор.

Мистер Коулман вздохнул.

- У тебя бывало такое: ведешь урок, смотришь на учеников – а они внимательно слушают и прямо на глазах становятся умнее? И ты стоишь и думаешь: «Вот почему я стала учителем. Вот мое призвание»?

Миссис Торп помедлила с ответом.

- Вообще-то нет.

- Вот именно, – отозвался мистер Коулман. Уилл улыбнулся.

- Стало быть, все как обычно?

- Все как обычно, – повторил учитель. – Хотя нет. Вру.

- Что такое? Расскажи.

- Знаешь мальчика по фамилии Малули?

– Уилла? – уточнила директор.

– Да. Молчуна.

– Славный мальчик. Хороший ученик. А почему ты спрашиваешь?

– Он правда не может говорить? Или это просто часть обряда посвящения для новых учителей?

– Говорить он может. Просто... не хочет. Это так называемая избирательная немота, – пояснила миссис Торп.

– Ух ты! Вот бы и мои дети иногда избирательно молчали.

– С языка снял.

– Он всегда был таким? – спросил мистер Коулман.

Уилл сжался: он точно знал, что скажет дальше миссис Торп.

– Его мама погибла около года назад. Автокатастрофа. Машину развернуло на льду, и она врезалась в дерево. Бедняжка Уилл был внутри. С тех пор он не разговаривает.

Мистер Коулман что-то пробормотал – Уилл не расслышал, что именно, но, должно быть, какое-то ругательство. Во всяком случае, миссис Торп согласилась.

– Имей в виду: старшие ребята над ним иногда издеваются. Я вызывала их к себе, но ты сам знаешь, какими бывают подростки.

– К сожалению, да.

Они зашагали дальше по коридору, и скоро их голоса стихли.

Уилл посидел в подсобке еще несколько минут. Аппетит у него пропал, но теперь мальчику казалось, будто темнота вокруг стала сгущаться, и он написал

Мо, чтобы тот пришел вызволить его.

Глава 4

Прозвенел звонок с урока, и во двор хлынула орава школьников. Дэнни высматривал в море красных пиджаков Уилла, пока они с Мо не вынырнули из толпы. За ними по пятам следовал Марк с друзьями: Гэвин бросал в Мо арахис, а Тони упорно наступал Уиллу на пятки, и тот спотыкался. Марк шагал позади, гордо улыбаясь своим вышколенным прихвостням. Однако, поймав взгляд Дэнни, он схватил обоих за шкирку и исчез в толпе.

Уилл махнул другу на прощание. Дорогу он переходил, опустив голову и сунув руки в карманы.

– Кто это? – спросил Дэнни, кивая на Марка.

Уилл пожал плечами и потрянул головой.

– Если бы я так выглядел, то засудил бы родителей.

Сын осклабился, но по-настоящему так и не улыбнулся.

– Ты же скажешь, если они будут над тобой издеваться?

Уилл кивнул, но Дэнни это не убедило.

– Идем.

?

Уилл упорно смотрел себе под ноги, пока отец читал эпитафии на надгробиях, таких холодных и тусклых под собиравшимися в небе сизыми тучами.

Дэнни точно знал дорогу, но все равно тянул время. Он делал это не из желания побыть тут подольше, нет: ему, как и Уиллу, не терпелось уйти. После аварии прошло уже больше года, но он все еще не мог принять смерть жены. Во всяком случае, не в привычном смысле этого слова. Лиз больше нет – это он понимал. Однако не понимал другого: разве это может быть навсегда? По его представлению, она ушла так же, как когда-то отец: тот был жив (хотя Дэнни не знал наверняка, да и особо не интересовался), но отсутствовал в его жизни. В некотором смысле такая иллюзия оказывалась более жестокой, чем сама смерть: она давала надежду (пусть и совсем крохотную) свернуть однажды за угол или переступить порог – и увидеть жену. Иногда, зайдя в комнату, Дэнни отчетливо слышал запах ее духов; различал ее голос в уличной толпе или в полудреме чувствовал прикосновение ее руки. Порой казалось, что она так близко – только обернись; но стоило сделать это, как Лиз растворялась среди людей, а ее голос уносил ветер. Она будто бы существовала, но в параллельном мире; так, бывает, живут двое соседей по многоэтажке: слышат друг друга, но никогда не пересекаются. Имя жены, выбитое на холодной и безжизненной гранитной плите, разрушало эту иллюзию. Именно поэтому Дэнни так не любил ходить на кладбище.

– Вот мы и на месте. – Помедлив, он присел возле черного надгробия с золотыми буквами и положил на него руку. Уилл топтался рядом.

Простая могила разительно отличалась от вычурных статуй и памятников, стоявших вокруг в гробовой тишине. Внутри прямоугольной оградки все было усыпано зеленой стеклянной крошкой. Обычно она сияла и переливалась на солнце, как рябь на водной глади, но сегодня выглядела так же уныло, как и поблекший букет, который Дэнни принес в прошлый раз.

– Всегда любила тюльпаны. – Он вытащил из небольшой металлической вазы старые цветы и поставил свежие. Аккуратно расправив их, Дэнни смахнул с надгробия невидимую пылинку и взглянул на сына. – Как думаешь, ей понравится этот цвет? Желтых у них не было.

Мальчик смотрел на могилу, сжав челюсти.

– Не хочешь что-нибудь сказать маме? – продолжил Дэнни. – В ее день рождения?

Уилл покачал головой, не сводя глаз с имени, выгравированного на камне.

– Давай. – Дэнни положил ладонь ему на плечо. – Попробуй.

Но сын сбросил его руку, развернулся и зашагал прочь по дорожке.

– Уилл! – закричал Дэнни и тут же, смутившись, извинился перед старушкой, сердито глядевшей на него с соседнего участка. Он заметил, как сын опустился на лавочку в отдаленной части кладбища.

– С каждым днем он становится все больше похож на тебя, Лиз, – сказал Дэнни. – Правда. Ума не приложу, как быть. Все перепробовал, но Уилл отказывается говорить. Порой даже не смотрит на меня. Не знаю, любит он меня или ненавидит. Надеюсь, это просто какая-то фаза и он ее перерастет; но чем дольше она тянется, тем крепче ощущение, что это навсегда.

Дэнни вздохнул и покачал головой.

– Иногда мне кажется, в тот день я потерял вас обоих.

Ветер качнул деревья, и над головой Дэнни раздался шелест.

– Прости, Лиз, – продолжил он, несколько раз моргнув и вдохнув так, будто вынырнул из ледяной воды. – Я прямо излучаю позитив. Все нормально. Мы в порядке. Ну, не в полном, но мы над этим работаем. Уилл хорошо учится, на работе все по-старому, домовладелец такой же гад, а миссис Амади из тридцать шестой квартиры до сих пор зовет тебя Сьюзан. Еще она заявила, что Уилл молчит, так как его голос украли злые духи, и дала мне телефон некоего Алана – приятный парень, который, кажется, проводит обряды экзорцизма недорого. Вот такие у нас новости.

Он попытался рассмеяться, но звук получился пустым.

– Ты только послушай меня, – Дэнни бросил взгляд на затянутое тучами небо. – Стою тут и разговариваю с камнем. Знаю, ты меня не слышишь, ведь тебя здесь нет и никак не может быть: солнце спряталось, а значит, я и правда просто беседую с камнем, пока ты где-то там празднуешь день рождения без меня.

Ладно, веселись, красавица. Где бы ты ни была и что бы ни делала, надеюсь, ты улыбаешься и танцуешь. Только не буди меня, когда придешь, хорошо?

Дэнни поднес ладонь к губам, а затем положил ее на камень.

– Я люблю тебя, Лиз. С днем рождения.

Глава 5

Они купили картошки фри и съели ее в парке. Никто не был голоден: Дэнни равнодушно ковырялся в своей порции, Уилл бросал кусочки голубям.

Неподалеку прохожих развлекали уличные артисты: пели, танцевали и делали все возможное, чтобы случайные зрители раскошелились. Какой-то неряха с торчащими из-под старенькой панамки длинными спутанными волосами бряцал на гитаре. Вокруг него собралась толпа, но привлекла ее не музыка, а толстый кремового цвета кот в красном вязаном свитере, сидевший у парня на плече и периодически мяукавший. Мужчина в фиолетовой мантии и остроконечной шляпе показывал фокусы. Он сосредоточенно хмурился, шевелил пальцами и произносил какие-то фразы, похожие на древние заклинания. Толпа поменьше окружила человека в костюме гигантской белки, жонглировавшего орехами размером с футбольный мяч, и его соседа-цыпленка, безуспешно пытавшегося удивить публику неумелым брейкдансом.

Понаблюдав за представлением, Дэнни не мог не отметить: артистам неплохо платили. Их шляпы, обитые войлоком футляры для музыкальных инструментов, пластиковые контейнеры и исцарапанные жестянки из-под табака буквально ломались от монет. Даже цыпленку-танцору как-то удалось убедить зевак выложить денежки, а ведь он всего лишь скакал кругами, будто у него в трусах поселились шершни.

Дэнни подцепил вилкой брусочек картошки и легонько толкнул Уилла локтем.

– Кажется, мне надо менять работу.

?

Домой они вернулись уже на закате.

– Тебе задали домашку? – спросил Дэнни, когда Уилл вышел из ванной со следом от зубной пасты на щеке и облепившими голову мокрыми волосами.

Сын покачал головой.

– Хочешь посмотреть телик? – предложил отец, заранее зная ответ.

Мальчик изобразил зевок и указал в сторону своей комнаты.

– Хорошо, только в девять отбой, ладно?

Сын кивнул и открыл дверь.

– Уилл!

Мальчик остановился, но не обернулся.

– Я знаю, тебе трудно; но потом станет легче. Обещаю. Просто, знаешь... нужно время.

Уилл взглянул на Дэнни, и тот попытался натянуть обнадеживающую улыбку. Никто из них ей не поверил. Сын коротко кивнул и закрыл за собой дверь.

Дэнни вернулся к телевизору, чтобы начать свой еженощный ритуал – до утра сидеть перед ящиком. Глаза слипались, а тело ныло от усталости, но он понимал: уснуть не удастся. Вместо этого он часами пялился в потолок или на будильник, пока минуты не складывались в часы и в конце концов не наступал рассвет. В тех редких случаях, когда удавалось поспать, Дэнни чувствовал себя чуть ли не хуже, чем после бессонной ночи: проснуться навстречу новому дню означало снова оказаться в мире, где Лиз не было рядом.

Он вспомнил их последнее утро вместе. Ночью Лиз, как обычно, стянула на себя все одеяло. Она всегда это отрицала, но каждый день без исключений Дэнни открывал глаза и заставлял ее с поличным: спит как сурок, завернувшись в

одеяло, будто в кокон, пока он в одних трусах дрожит от холода. В тот день, придвинувшись ближе к кокону, Дэнни устроился рядом с женой – из нежности тоже, но больше чтобы согреться – и с изумлением обнаружил, что одеяло под рукой проваливается. Только услышав, как Лиз на кухне подпевает радио, он понял: в кровати ее нет. Тогда было смешно, но теперь выглядело как отвратительная шутка. Словно какая-то жестокая высшая сила готовила Дэнни к жизни без Лиз, подкидывая такие тонкие намеки, которые он не мог понять, пока жена не села в машину и не поцеловала его на прощание в последний раз – о чем ни она, ни он не подозревали.

Лиз даже не должна была садиться за руль в тот день. Из-за этого между Дэнни и его тестем Роджером разверзлась непреодолимая пропасть. Хотя, в сущности, она стала лишь продолжением трещины в их отношениях, появившейся еще тогда, когда Лиз впервые привела Дэнни домой к родителям и представила как своего будущего мужа. Это заявление лишило их дара речи: Лиз было всего шестнадцать, и мать с отцом ничего знать не знали про парня дочери. Дэнни с самого начала не хотел идти: он был уверен, что не понравится им. В частности, отцу Лиз – полицейскому, в силу профессии ко всем относившемуся с подозрением, особенно к мальчикам-подросткам; и уж тем более – к мальчику-подростку из Ньюхэма[2 - Район на окраине Лондона. Прим. пер.], которого отец бросил (просто ушел с четырнадцатого дня рождения сына – никто и не заметил как), а мать вышвырнула из дома, когда ее новый ухажер счел квартиру слишком тесной для троих.

Но Лиз уверяла: все будет в порядке – и Дэнни неохотно согласился. Он чуть не поверил в благоприятный исход встречи, когда Кэрол, мама Лиз, обняла его крепче, чем родная мать. Однако, познакомившись с Роджером, он понял: девушка либо нагло врала, либо серьезно недооценивала взрывной характер отца. Хоть тот и подал Дэнни руку в попытке изобразить любезность, но взял его ладонь в такие тиски, что и слов не нужно было. Подобное приветствие – не демонстрация авторитета и не проверка на мужественность. Своим рукопожатием Роджер недвусмысленно давал понять: он с большей охотой сдавил бы ему шею, и если такая возможность представится, он ее уж точно не упустит.

По мнению Роджера, именно Дэнни увел Лиз с пути истинного. Дэнни знал это и всегда находил немного несправедливым: из них двоих именно Лиз – возможно, в пику законопослушной семье – была главной бунтаркой. Но Роджер не замечал этого: как и большинство отцов, он видел в дочке только хорошее и стоял бы на

своем, даже если бы ему представили доказательства обратного. Он инстинктивно винил Дэнни во всем, что не вышло с образом безупречной девочки-ангелочка – как на фотографии, которую носил в бумажнике. Он винил зятя, когда Лиз бросила балетную школу, куда ходила с шести лет, хотя тот настаивал на продолжении занятий. Он винил зятя, когда Лиз забеременела. С этим Дэнни не мог поспорить, хотя, положив руку на сердце, в ту памятную ночь в парке все случилось по инициативе Лиз (впрочем, он пощадил Роджера и избавил от этих подробностей). И последний, сокрушительный удар: тесть винил его в смерти своей единственной дочери. Дэнни не просто это чувствовал или подозревал, а знал точно: Роджер открыто сказал об этом прямо на похоронах. Не обращая внимания на бесконечное смущение Кэрол, всегда благоволившей зятю, и шок на лицах остальных присутствовавших, Роджер заявил: его дочь осталась бы жива, если бы за рулем сидел Дэнни. И это была отнюдь не похвала его водительскому мастерству (Роджер никогда не хвалил зятя, ни напрямую, ни намеками). Речь шла о том, что Лиз вообще не любила ездить на машине – купленной, кстати говоря, самим же Роджером. По его словам, будь за рулем Дэнни, он мог войти в поворот на иной скорости, минутой раньше или позже, под другим углом – и даже если бы все кончилось грудой металлолома на обочине, сейчас бы хоронили Дэнни, а не его ненаглядную Элизабет.

Сколько бы ни был болезненным и несвоевременным этот выпад, Дэнни знал: в чем-то Роджер прав. После аварии не проходило дня, чтобы он не думал: все могло сложиться иначе, если бы он тогда взял отгул, задержал ее еще на несколько секунд или опять оставил рабочие ботинки посреди коридора, чтобы Лиз в очередной раз прочитала ему нотацию об обязательных домашних правилах. Дэнни ужасно раздражал этот ее тон, но теперь он бы правую руку отдал на отсечение, лишь бы услышать его снова.

Возможно, Дэнни даже простил бы Роджера, остановись он на этом. Все сказанное можно было списать на отчаяние отца, пытавшегося осмыслить нечто неподдающееся осмыслению, – если бы не ненависть, которая зазвучала в его монологе под конец.

– Теперь он остался без матери. – Роджер указал на Уилла, которого только недавно выписали из больницы; белая повязка на голове мальчика бросалась в глаза среди черных рубашек и платьев. – Теперь он остался с тобой!

До этого Дэнни молчал. Он не хотел устраивать сцен, но прикусить язык сильнее уже не мог: рисковал отхватить его совсем. Самым спокойным тоном, на который

был способен – то есть уже совершенно беспокойным, – он напомнил: Лиз села за руль именно из-за Роджера, который вообще-то в тот день должен был их навестить, но в последний момент передумал и попросил Лиз приехать. Не дав тестю возразить, Дэнни продолжил: Роджер годами отрешивался от их приглашений в гости под какими-то жалкими предложениями – то проблемы с машиной, то простуда, то приступы непонятной хвори, – хотя настоящей причиной, пожалуй, являлся банальный стыд. Роджеру было стыдно отдавать дочь замуж за такого, как Дэнни; стыдно видеть ее в тесной квартирке в районе Тауэр-Хамлетс, а не в зеленом пригороде вроде Хэмпстеда; стыдно, что жизнь Лиз оказалась далекой от его идеала.

Следующие полгода зять с тестем не общались. Кэрол же звонила достаточно часто – или неловко побеседовать с Дэнни о погоде, или поболтать с Уиллом (говорила, конечно, только она). Каждый раз женщина выдумывала новую причину, почему Роджер не может подойти к телефону, – словно ей до сих пор нужно было притворяться, что все хорошо, даже после того, как эти двое ругались на людях, перегородив всем доступ к столу с закусками.

Несколько месяцев назад Дэнни получил от Кэрол СМС с вопросом, не против ли они с Уиллом встретиться все вчетвером и поговорить. В ответном сообщении Дэнни позвал их с Роджером в гости, но Кэрол вежливо отклонила приглашение и предложила встретиться в кафе возле станции метро «Олд-Стрит» – так сказать, на нейтральной территории.

Дэнни не представлял, о чем будет разговор. Он не собирался извиняться, Роджер – тем более. Прижав к груди Кэрол, кивнув Роджеру и глядя, как Уилл обнимает обоих, Дэнни был как на иголках. В глубине души он опасался, что родители Лиз попросят отдать им Уилла для его же блага. Однако эти подозрения не оправдались.

У Роджера были родственники в Мельбурне – о чем он неустанно напоминал всем вокруг. Тесть с тещей собирались перебраться в Австралию, сколько Дэнни их знал, но никто, и Лиз в том числе, не верил в грядущий переезд. Однако он все же должен был состояться, и скоро – потому Кэрол их и позвала. Новость не особо расстроила Дэнни – в их с сыном жизни Роджер с супругой и так почти не участвовали, – но напомнила, как он одинок. Он потерял и жену, и отца; матери, считай, тоже не было – а теперь не будет и тестя с тещей. Остался только Уилл, хоть это порой и вызывало сомнения. С тех пор как сын очнулся после трех дней комы – самых мучительных в жизни Дэнни, – он не произнес ни слова, и никто не

знал почему. Педиатры, психологи, психиатры и специалисты по речевым патологиям не могли сойтись во мнении. Варианты звучали разные: возможно, из-за полученной в аварии травмы головы он никогда не сможет составлять внятные предложения; может, Уилл не утратил речевых навыков, а просто не хочет говорить из-за смерти матери. Каждый норовил высказать свое мнение, зачастую вообще не из области медицины. Редж, домовладелец, верил в чудодейственность хорошего подзатыльника; один из штукатурщиков на работе проповедовал силу гипнотерапии; а однажды, когда Дэнни копался в уцененных продуктах в супермаркете, рядом с ним вдруг нарисовалась женщина с длинным седым хвостом и как ни в чем не бывало поинтересовалась, часто ли Уилл ест семена гинкго. Дэнни готов был поклясться, что видит ее первый раз в жизни.

Если решение и существовало, Дэнни давно отчаялся его найти. Он даже не надеялся дожждаться того дня, когда проснется и почувствует хоть что-то, кроме настойчивого желания снова сомкнуть глаза и никогда больше не открывать.

Дэнни взял фотографию, стоявшую на кофейном столике у дивана: этот снимок он сделал одним летним днем в Гайд-парке пару лет назад. Лиз лежала на траве, опустив голову на руку, и сонно улыбалась. Ее разморило от жары и бутылки красного, выпитой на двоих. В тот год она редко надевала это платье в цветочек – дожди шли чаще, чем обычно, – и после той прогулки повесила в гардероб, где оно и пылилось до сих пор. На нем давно не осталось ни намека на то, что жена его когда-то надевала, но Дэнни все равно периодически зарывался в ткань лицом, вдыхая микроскопические частички ее запаха, который мог сохраниться в складках.

Он провел пальцем по щеке Лиз на фото и улыбнулся. Затем прижал жену к груди, и его плечи затряслись от беззвучного плача.

Глава 6

В дверь постучали так громко, что соседский почтовый ящик протестующе задребезжал. Уилл, медитировавший над своим завтраком, бросил беспокойный взгляд на Дэнни. Тот посмотрел в сторону коридора. Никто не шевелился. Рука Дэнни замерла в воздухе, не донеся кружку до рта, а пальцы Уилла сжали подсыхающий кусочек тоста.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Томас и Джеймс – персонажи детского мультфильма «Томас и его друзья». Прим. пер.

2

Район на окраине Лондона. Прим. пер.

Купить: https://tellnovel.com/ru/guld-born_dzheyms/chto-my-znaem-drug-o-druge

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)